

под руководством Павла Андреевича. Обычно в поездках по сети ГМС принимали участие А. Е. Кураков — директор Владивостокской гидрометеорологической обсерватории, я — в то время заместитель начальника отдела гидрометсети и иногда Н. В. Аношин — начальник ремонтно-восстановительной партии. Поездки по сети станций всегда осуществлялись по заранее разработанному маршруту и с четко намеченными вопросами для решения, туристических поездок при П. А. Урываеве не делали. Все мы знали, когда, откуда и во сколько выезжаем, какие станции посетим, какие вопросы решим и где будем останавливаться для ночлега. П. А. Урываев всегда брал с собой большую толстую тетрадь, в которую заносил маршруты движения, расстояния между станциями и постами, решенные вопросы и задумки. Отклонений от маршрутов не помню. После поездок информация обсуждалась на планерках, руководителям отделов давались поручения для исполнения возникших вопросов. П. А. Урываев был руководителем и учителем и, если можно так выразиться, старший товарищ. Работалось легко, созидательно. Павел Андреевич с людьми обращался корректно, четко ставил задачи, всегда вежлив, грубостей не позволял, панибратства также.

Прошло более 30 лет без Павла Андреевича Урываева. Многие изменилось в ДВНИГМИ и Приморском управлении гидрометслужбы (ПУГМС). Страна поменяла социальную ориентацию и встала с социалистического на капиталистический путь развития. Поменялись ценности. Выросло поколение новых предприимчивых людей. Резко снизилась значимость науки. На этом фоне поступки П. А. Урываева и стиль его руководства выступают более ярко и выпукло, а его характер остается цельным, очень честным, преданным делу. От сегодняшнего дня память возвращает меня к подернутым забвением давно минувшим событиям, но многое сохранившим.

Давно это было. Тогда, так же как и сегодня, страна реформировалась. Никита Сергеевич Хрущев — Генеральный секретарь ЦК КПСС — делил партию на городскую и сельскую, реформировал народное хозяйство и Советскую Армию. Дивизиями сокращал авиацию. Вот и нашу авиационную дивизию с несколькими боевыми орденами на знамени в 1958 году расформировали, и я, отгуляв отпуск, устроился инженером гониометрического пункта аэрологической станции “Сад-город” Приморского УГМС. Думал временно, но проработал в Гидрометслужбе до 62 лет. За эти годы много сменилось руководителей ПУГМС и ДВНИГМИ, все они были, в целом, порядочные люди, но в памяти Павел Андреевич Урываев занимает особое место. При работе с ним ощущалась комфортность. В те годы страна поднялась из руин Великой Отечественной войны, залечив основные раны. Народное хозяйство развивалось, армия сокращалась. Все работали. Приморское управление и институт располагались в одном здании по ул. Дзержинского, дом 24. Институт занимал правое крыло второго этажа. Научных сотрудников было немного, особенно со степенью кандидата наук, докторов ни одного. Ведущие специалисты — кандидаты наук В. М. Лыло, И. Н. Гарцман, Т. И. Супранович, А. А. Календов, заместитель директора по научной работе О. К. Ильинский во главе с П. А. Урываевым проводили исследования в области метеорологии и гидрологии по Дальнему Востоку и пользовались большим авторитетом.

П. А. Урываева назначили директором Дальневосточного регионального научно-исследовательского гидрометеорологического института в сентябре 1955 г. Наследие Павлу Андреевичу досталось сложное, за короткий период существования института сменилось два директора. Приморское УГМС в системе Гидрометслужбы страны считалось наиболее крупным управлением. В составе управления работало около 120 гидрометеорологических станций, в том числе с большим количеством прибрежных морских станций, Владивостокская гидрометеорологическая обсерватория, бюро погоды, бюро поверки гидрометприборов с тарифовочным бассейном для поверки гидрологических вертушек — единственным по зоне Дальнего Востока, база снабжения и достаточно большой экспедиционный флот. Большинство ведущих специалистов и даже руководителей отделов управления и Владивостокской гидрометобсерватории имели среднетехническое образование, в основном выпускники Владивостокского гидрометтехникума. Наиболее грамотный состав с высшим образованием работал в бюро погоды. В то же время многие начальники станций имели лишь курсовую подготовку и только начальники озерной станции “Астра-

ханка“ Илюкоев и воднобалансовой — Г. Я. Рябчиков имели высшее образование. Но все специалисты хорошо освоили свою специальность и к делу относились очень ответственно.

Управление возглавлял Николай Николаевич Аксарин, до того работавший директором техникума. Заместителем у него был Виталий Алексеевич Новский, в прошлом начальник Камчатского управления гидрометслужбы. Оба очень грамотные управленцы. О П. А. Урываеве ходил слух как о жестком, требовательном руководителе. Наше знакомство состоялось по инициативе Павла Андреевича. В то время я трудился в управлении в качестве начальника бюро поверки гидрометприборов. Приглашение меня к директору института несколько удивило. Все вопросы по поверке приборов для экспедиционных исследований обычно решали с начальниками отрядов и до уровня директора института не доходили. Кабинет директора ДВНИГМИ находился на втором этаже здания по ул. Дзержинского, 24 в светлой солнечной комнате. Тогда еще не построили здания по ул. Мордовцева (Косом переулке), и на этой стороне было много солнца. Встретила меня Елена Александровна Босак — секретарь директора и начальник канцелярии — и проводила в кабинет. В кабинете я увидел мощного, мужественного и очень видного человека с густой седящей шевелюрой, мягкой улыбкой. Он поднялся из-за стола, подал руку и пригласил сесть. В спокойной, доброжелательной манере он сообщил о поставках с Ленинградского завода гидрометприборов глубоководных термометров 3-го класса, в то время как для морских исследований пригодны только термометры 1-го класса, и попросил меня съездить в Ленинград на завод и решить вопрос поставок термометров 1-го класса. На мое удивление, что я никогда не занимался решением этих вопросов, Павел Андреевич с уверенностью заявил — справитесь, я уверен, а в институте я не нашел специалиста, которому мог бы поручить решение этой задачи. Задача мне показалась легкой, семьей я не был обременен, Ленинграда не видел, и я дал согласие.

Свою опрометчивость я обнаружил уже в городе на Неве. Руководство завода, ссылаясь на отсутствие грамотных стеклодувов и других специалистов, отказалось от поставок термометров 1-го класса, предлагал партиями по 50%. Дошел до Председателя Ленинградского совнархоза, которому подчинялся завод, но получил отказ. Было обидно, но мне удалось решить эту проблему в отделе сбыта на уровне личных контактов и оправдать себя в глазах П. А. Урываева. Меня поразило тогда отношение Главного Управления Гидрометслужбы к работникам территориальных управлений. Мне предстояло решить еще вопросы в Московском бюро поверки приборов, а груз у меня был большой. Я обратился в Техническое управление, и начальник управления мне дал свою служебную “Победу” и распорядился выделить помещение под груз. Когда я бывал в Москве позже в качестве главного инженера института, а затем и заместитель начальника управления, мне работники Госкомгидромета рекомендовали не обращаться к руководству с подобными просьбами — откажут.

Развитие гидрометеорологических наблюдений и исследований в стране, и на Дальнем Востоке в частности, находится в прямой зависимости от состояния экономики страны. В шестидесятые годы страна на подъеме. Правительство стало уделять внимание жилищно-социальным вопросам. Началось строительство большого Владивостока. Для работников управления и института впервые строится многоквартирный жилой дом по ул. 25 Октября. На стапелях г. Николаева готовятся к спуску два крупнотоннажных научно-исследовательских судна — “А. И. Воейков” и “Ю. М. Шокальский”. Подбиралась команда и экспедиционный

**П. А. Урываев со своими заместителями:
А. И. Верхушей и В. А. Новским**

состав. В экспедиционный состав приходит много уволенных офицеров Советской Армии, выпускников Одесского гидрометинститута и ДВГУ. Руководство Приморского УГМС и ДВНИГМИ работают в добром согласии, решая общие задачи. Оба учреждения успешно справились с подготовкой кадров. Первым пришел во Владивосток после выполнения экспедиционных работ НИС «А. И. Воейков». Встречали торжественно, с митингом и речами. Работники управления и института ходили именинниками, жевали диковину для того времени жевательную резинку и хвастались заграничными карандашами, полученными в качестве сувенира от участников экспедиции. Приход НИС «Ю. М. Шокальский» отметили такими же торжествами.

Как говорилось выше, страна реформировалась. Объединялись совхозы, колхозы, заводы, ликвидировались неперспективные деревни, хотя в них люди родились, крестились, женились, рожали детей и умирали. Создавались научно-производственные объединения. Идея создания научно-производственного управления на базе Приморского УГМС и ДВНИГМИ пришла П. А. Урываеву. Свои мотивы он изложил в Главное Управление Гидрометслужбы при СМ СССР, и они были обсуждены в коллективах управления и института. В качестве руководителя объединения предлагался П. А. Урываев. В объединение предлагался ВГМТ. Дискуссии проходили горячо. Противники объединения выступали с обеих сторон. Очень резко и мотивированно высказывался Н. Н. Аксарин — начальник Приморского УГМС, свои возражения он направил в Москву. Против объединения горячо выступил зам. начальника отдела сети А. Е. Кураков и многие другие специалисты. В. М. Лыло, в прошлом начальник управления, а тогда зав. лабораторией в ДВНИГМИ, также не поддержал идею объединения, считая организацию громоздкой, хотя и взаимосвязанной, высказывался с юмором в мягкой тактичной форме. Выступающих было много, но мне запомнились эти. Итак, объединения Приморского УГМС и ДВНИГМИ в 1962 году не состоялось, не было поддержано Главным Управлением Гидрометслужбы при СМ СССР.

Время шло своим чередом. Я перевелся в ДВНИГМИ, в экспедиционный состав. Научно-исследовательский флот в те времена находился в двойном подчинении. Корабли стояли на балансе Приморского УГМС вместе с командами, а экспедиционный состав подчинялся ДВНИГМИ.

Начальника ПУГМС Н. Н. Аксарина избрали 1-м секретарем Фрунзенского РК КПСС г. Владивостока. Начальником управления назначили вначале Е. М. Пичугина, а затем С. А. Лихмачева. После очередного экспедиционного рейса НИС «Ю. М. Шокальский» в 1962 году загорелся у стенки Дальзавода. Возгорание произошло в одной из кают экспедиционного состава. Пожар был мощным, выгорели все жилые каюты. Машинное отделение было спасено смелыми и мужественными действиями машинной команды, возглавляемой главным механиком Самусом. В начале пожара они спустились в машинное отделение, обеспечили работу механизмов и поливали верхнюю палубу водой, не допустив поступления огня в машинное отделение. Эти подробности мне поведал Председатель ведомственной комиссии А. М. Таран — заместитель начальника Приморского УГМС. Он был назначен на эту должность после В. А. Новского, ушедшего с обидой на руководство. Получив приказ о снятии с него надбавок, он написал заявление об уходе, положил заявление под чернильный прибор и ушел. После этого он в управление заходил только к супруге, никогда к руководству. Ему было 62–63 года, скончался он на 81-м году жизни. Был ровесником века, очень любившим свою семью и работу.

На долю экспедиционного состава НИС «Ю. М. Шокальский» выпала честь расчищать судно после пожара. Экспедиционный состав пропах гарью, расчищая завалы от пожарища и мешками вынося мусор, но никто не роптал, работали с энтузиазмом. На Дальзаводе в течение года судно восстановили, и оно в конце 1963 г. вступило в строй научно-исследовательского флота Гидрометслужбы СССР.

В испытательный рейс перед очередной экспедицией НИС «Ю. М. Шокальский» на трое суток вышел в Охотское море. Экспедиционный состав и команда в испытательном рейсе находились в полном составе. Руководителем экспедиции Главное Управление при СМ СССР назначило Юрия Владимировича Истошина, в прошлом начальника Приморского УГМС. В пробный рейс в Охотское море вышел и П. А. Урываев. Был октябрь — ноябрь, дул свежий ветерок, настроение у всех приподнятое. Рейс проходил

удачно. На палубе часто появлялась внушительная фигура Павла Андреевича в ондатровой шапке с довольной улыбкой на лице в компании улыбочивого Юрия Владимировича Истошина. Погода была свежей, но не штормовой. Легкая качка не мешала выполнить программу испытаний полностью. “Ю. М. Шокальский” вступал в новую жизнь!

В пробном рейсе принимал участие известный фотокорреспондент Юрий Муравин. Его снимки часто публиковались в газетах, журналах, а фотоальбомы о Приморье сметались с прилавков магазинов и раздавались в качестве сувениров уважаемым людям. Он упросил начальника геофизического отряда А. Овчинникова сделать снимок момента работы и опускания пятидесятилитрового батометра для взятия проб воды на радиоактивность с различных горизонтов, впервые опробованного в этом рейсе.

Процесс подготовки к съемкам длился долго, Ю. Муравин никак не мог выбрать то ракурс, то освещение. Стояли на малой глубине, недалеко от берега. И кто-то решил забросить удочки. Удочки оказались и у Павла Андреевича, и у Ю. В. Истошина. Рыба пошла. Съемки закончились, а рыбалка продолжалась. Между П. А. Урываевым и Ю. В. Истошиным ярко просматривался соревновательный азарт. Оба торопились забросить удочки, быстрее вытащить пойманную рыбу, ревниво оглядывая друг у друга улов. Присутствующие на палубе начали с интересом наблюдать за ними, временами подбадривая. Подобный азарт мне довелось наблюдать еще раз на рыбалке на реке Уссури в районе погранзаставы у Тартышевки. Тогда Павел Андреевич учил меня, что уважающая себя рыба на мой тощий червяк не пойдет, он выбирал червей потолще и насаживал их побольше. Каково было его удивление, когда на мой дохлый червяк поймался очень даже приличный сомик.

Рыбалка на судне закончилась, соперники признали ничью, рыба вся пошла на камбуз. Весь состав экспедиции и команды откушал рыбный обед и хвалил рыбаков.

Впоследствии Ю. Муравин опубликовал снимок с 50-литровым батометром в журнале “Дальний Восток”, но снимок получился серым, невыразительным. В рейсе участвовал Саша Никифоров. За период рейса он сделал прекрасные фотографии о рейсе и подготовил альбом, который хранится в музее ДВНИГМИ, альбом передал в музей участник рейса В. Н. Болсунов.

Пробный рейс закончился, и после небольшого перероя НИС “Ю. М. Шокальский”, попрощавшись с родными, ушел в очередной экспедиционный рейс из Владивостока.

Мы выполняли программу рейса, шла обычная работа. После зимних холодов в тропиках тепло и приятно. Голубизна воды и летающие рыбки ласкали глаз, за ними можно наблюдать часами. Постепенно береговые страсти в сознании отодвинулись и улеглись. Однако в Главном Управлении произошли изменения, руководителем вновь назначили академика, Героя Советского Союза Евгения Константиновича Федорова.

Произошли изменения и в руководстве ПУГМС и его статусе. На ПУГМС были возложены функции экологического мониторинга окружающей среды. Управление стало называться Приморское управление по гидрометеорологии и контролю окружающей среды (ПУГКС). Начальник ПУГКС Е. М. Пичугин, сменивший Н. Н. Аксарина, после пожара на “Ю. М. Шокальский” перевелся в Белоруссию, а принявший у него дела С. А. Лихмачев перевелся в Ташкент, где начальником Узбекского управления работал Н. Н. Аксарин. Но об этом мы узнали, вернувшись из рейса.

А в середине рейса Ю. В. Истошин, с которым у нас сложились очень хорошие взаимоотношения, показал мне телеграмму за подписью П. А. Урываева, но от имени директора института и начальника управления в одном лице. На мое недоумение он разъяснил, что Павел Андреевич добился объединения управления и института под своим руководством. Таким образом, провожали в рейс два руководителя, а встречал один, полномочный руководитель пока еще двух организаций — П. А. Урываев.

После возвращения из рейса я перешел на работу заместителем начальника отдела сети. Начальником отдела работал Виктор Варфоломеевич Мельников, но при поездках на сеть станций Павел Андреевич брал меня. В начале мне было не очень удобно перед В. В. Мельниковым, но поскольку он молча это воспринимал, то я успокоился. За годы работы с Павлом Андреевичем по организации работы

сети станций и общения с ним в командировках, достаточно частых, между нами установились хорошие деловые и доверительные отношения, он меня многому научил.

В период обсуждения вопроса объединения управления и института я был противником, но, работая под руководством Павла Андреевича, мне пришлось изменить свое мнение. Павел Андреевич умело руководил этой громоздкой структурой, много сделал для развития института и управления. После П. А. Урываева руководство этим объединением стало формальным и работало оно благодаря организационным основам, заложенным П. А. Урываевым.

В объединении управления и института П. А. Урываев видел несколько задач. Он считал, что под единым руководителем оперативные вопросы в обоих учреждениях, объединенных территориально, проще решать. В то время по численности управления определялся его статус, поскольку с объединением двух организаций в единую общая численность позволяла управлению претендовать на высший разряд и повысить заработную плату управленческому составу. Повышался и статус института, руководитель такого большого учреждения имел определенный вес в партийных и советских органах города. П. А. Урываев полагал, что разработки института будет проще внедрять в работу через ПУГКС.

В работе мы все убедились в опытности и умелом руководстве П. А. Урываева. Хотя он был авторитарным руководителем, но по любому ответственному вопросу выслушивал мнение подчиненных, и только трусоватые руководители побаивались его и помалкивали. Другие же уважали его, и он уважал людей, выступавших с конструктивными предложениями. Был случай, когда мы в Дальнереченске оговорили кандидатуру начальника гидрологической станции, но, когда мы прибыли во Владивосток, он по телефону отказался от должности и предложил другую, вполне подходящую кандидатуру начальника. Проинформировать П. А. Урываева по каким-то причинам я не смог и завизировал поступившее заявление. Когда оно попало на стол П. А. Урываеву, он вызвал меня и строгим, недовольным голосом спросил: "Кто вам дал право отменять мое решение?" Я объяснил сложившуюся ситуацию, сказал, что на заявлении мое мнение, которое я волен высказать в любую инстанцию в письменной или устной форме. Павел Андреевич очень внимательно посмотрел на меня, подписал приказ. Он очень хорошо знал людей. Все работники управления и института при приеме на работу, начиная с инженера, проходили собеседование с П. А. Урываевым, а на сети станций при их посещении он знакомился и с наблюдателями постов.

Если в прошлом выезды на сеть станций начальников ПУГКС были эпизодическими, то в период руководства П. А. Урываева они носили регулярный, плановый характер, хотя при его приемнике В. Г. Федорее они заглохли. Сетевую работу П. А. Урываев знал, любил и с удовольствием выезжал на станции, летом примерно раз в месяц, зимой реже.

Как правило, П. А. Урываев вызывал меня, сообщал о времени выезда, маршрут и задачу. Совместно с начальником ОГСН В. В. Мельниковым, директором ВГМО А. Е. Кураковым и другими руководителями собирали задания по посещению станций. Из посещений станций тайны не делалось, через начальников станций заказывались гостиницы. С ночлегом тогда были трудности, гостиниц на селе практически не было, и П. А. Урываев предложил, а затем и воплотил в жизнь строительство комнат отдыха на Приморской стоковой станции, в Чугуевке, Кировке и ряде других станций. Платить приезжим за пользование предложено из квартирных. Отпала необходимость спать где угодно, даже на столах в конторах станций.

Маршруты поездок носили кустовой метод. Объезжали гидрометеорологические станции одного куста, объединенные по гидрологическому принципу в границах речного бассейна: Чугуевский, Кировский, Дальнереченский (тогда он именовался Иманским), Воднобалансовая станция. Не пропускали и другие метеостанции по маршруту следования. Все вопросы решались в рабочем порядке. Широкие собрания с громкими речами Павел Андреевич не любил.

Однажды при посещении гидрометеорологической станции Тереховка начальник станции Н. И. Федорей попросил П. А. Урываева встретиться с коллективом станции по просьбе коллектива. На встрече

П. А. Урываев спросил, какие вопросы есть к нему. Был задан один вопрос, по спецодежде. П. А. Урываев предложил дать ответ мне — заместителю начальника отдела гидрометсети В. И. Мыльникову — и устранить замечание. Больше вопросов не было, и П. А. Урываев, выждав достаточно долго, поблагодарил работников за внимание, попрощался, и мы уехали дальше по маршруту.

Работая под руководством П. А. Урываева и общаясь с ним в поездках по станциям, мне стал ясен выигрыш Приморского УГКС от объединения. Прежние руководители управления были достойными организаторами и против них ничего плохого сказать нельзя, но такого внимания к работе сети, какое уделял П. А. Урываев, при них не было.

Он не обошел вниманием ни один речной пост.

Поездки по сети дали положительные результаты. Руководство знало состояние сети не по письмам и докладам, а видело своими глазами и намечало определенные действия. Финансирование в те годы осуществлялось по статьям расходов: отдельно на строительство, отдельно на капитальный ремонт и отдельно на текущую эксплуатацию сетевых сооружений. Главное Управление строго следило за их исполнением. П. А. Урываев под свою ответственность все эти средства взял в свой кулак, как он выразился при обсуждении этого вопроса. Далее он предложил не ремонтировать разваливающиеся посты, а на их месте строить новые с бетонными колодцами и металлическими будками для самописцев. Ранее колодцы гидрологических постов и будки для самописцев делались из дерева. Срок их эксплуатации намного меньше бетона, поэтому на их текущий ремонт требовалось больше затрат.

В результате такого решения за короткое время гидрологические посты были приведены в идеальное состояние.

Работы начали с Чугуевского куста. Начальником станции Чугуевка работал И. П. Симоненко — трудолюбивый, хозяйственный человек. С Чугуевкой П. А. Урываев был связан своими работами по теме снегозапаса в бассейне реки Уссури. К И. П. Симоненко Павел Андреевич относился с глубоким уважением, принимал его дома. Однажды Павел Андреевич пригласил нас к себе домой. Жил он с семьей в двухкомнатной квартире в нашем, вновь выстроенном доме, рядом с гидрометеорологическим техникумом. Скромная обстановка, ковер на стене, на ковре двуствольное ружье. Павел Андреевич был не только азартным рыбаком, но и заядлым охотником. Угощал нас Павел Андреевич самодельным вином.

В общении Павел Андреевич очень доброжелательный человек, но не допускал панибратства, с подчиненными он всегда был на вы, никогда не употреблял бранных слов. В денежных отношениях щепетилен. Никогда не позволял расплачиваться за себя. Любил добротную простую еду, ел всегда с аппетитом.

Однажды, объезжая посты Иманского (Дальнереченского) куста, мы вечером вернулись в Иман (Дальнереченск) и пошли в кафе поужинать, по каким-то причинам оно оказалось закрытым. Я предложил поужинать “по-домашнему”. “А что это такое?” — задал вопрос Павел Андреевич. Происходило это летом. Я предложил на базаре купить картошечки, огурчиков, помидорчиков и в магазине колбасы, которая в те времена была по два рубля пятьдесят копеек. Остановились мы в Вагутоне, в гостинице деревообрабатывающего комбината. Нам на четверых выделили комнату, там же располагалась кухонька со всеми принадлежностями. Мы быстро приготовили. К ужину приложили бутылочку. Ужин удался на славу. Павел Андреевич к нашей общей бутылочке добавил свою персональную. Надо отметить, что за все годы совместных командировок и застолий я ни разу не заметил у Павла Андреевича опьянения, он становился только чуть-чуть разговорчивее.

Пошла неспешная беседа. Павел Андреевич рассказал об учебе в институте, своей работе во время войны начальником Якутского управления. Работы было много по обслуживанию перегонов американских самолетов, работа была ответственная, за что его наградили орденом. “Воротник кителя у меня болтался на шее” — так он отметил свою худобу во время войны. Вспомнил работу в Москве в качестве заместителя Е. К. Федорова — начальника Главного управления Гидрометслужбы при СМ СССР и снятие с должности Е. К. Федорова — полярника, академика, Героя Советского Союза — за космополитизм.

После вагунского ужина Павел Андреевич частенько предлагал потом поужинать по-домашнему, и это были незабываемые вечера, в которых принимали участия А. Е. Кураков, Н. В. Аношин, И. П. Симоненко, Г. Я. Рябчиков и многие другие замечательные люди.

Говорили о жизни, у Павла Андреевича был богатый жизненный опыт руководителя, его было интересно слушать о задумках по улучшению работы, отношению к людям и планах на будущее.

Детищем Павла Андреевича по праву считается Приморская стоковая станция. Она была отстроена по его инициативе. Под его руководством выбирались посты, особенно по малым водотокам. Строилось добротное жилье и служебные помещения. Помещение поста Лог Медвежий в случае непогоды позволяло наблюдателю работать с комфортом. В помещении находились кровать с постельными принадлежностями и печка для приготовления пищи. К работе наблюдателей тогда относились с вниманием. Гидрологический пост в районе станции имел добротный подвесной мостик, и там впервые была произведена установка ГР-70 для автоматического измерения скорости воды.

Как упоминалось выше, начальником Приморской стоковой станции работал Г. Я. Рябчиков, который с полуслова понимал Павла Андреевича и все указания выполнял неукоснительно. Работать с Г. Я. Рябчиковым было приятно, он пользовался у Павла Андреевича авторитетом. В записной книжке у меня сохранилась запись. По просьбе Г. Я. Рябчикова выделить 100 руб. (тогда это были деньги) безлюдного фонда, 3–4 рабочих на два месяца, добавить в смету 800 руб., исключить из штата ст. инженера, а включить техника. Павел Андреевич тут же дал задание отделу сети выполнить просьбу по всем пунктам.

В работе Приморской стоковой станции Павел Андреевич разбирался как грамотный специалист. До приезда во Владивосток Павел Андреевич четыре года работал главным инженером гидрологической лаборатории в г. Валдай, поэтому опыта воднобалансовых наблюдений у него было достаточно.

Приморская стоковая станция провела уникальные наблюдения, позволяющие просчитать водный баланс по определенной территории. На базе данных, собранных на Приморской стоковой станции, защищено несколько кандидатских диссертаций, написаны статьи, разработаны отдельные ГОСТы. Все данные помещались в гидрологические ежегодники.

В 1965–1966 годах Уссурийский кожевенный комбинат в створе Супутинского гидропоста устроил забор воды для нужд комбината и внес искажения в данные, которые обнаружили при критконтроле спе-

*Детище П. А. Урываева — Приморская стоковая станция.
П. А. Урываев (слева) и В. Г. Федорей*

циалисты станции и ВГМО. Павел Андреевич дал мне указание выехать в Уссурийск и разобраться. Пришлось здорово повоевать, прежде чем комбинат согласился перенести свой водозабор ниже створа поста. В тяжбу пришлось присоединить советские и партийные органы г. Уссурийска.

В шестидесятые годы Приморское УГКС получило развитие сети станций за счет вложений средств других ведомств. В Посъете построен метеограф за счет средств строительства порта. В Тетюхе введены в эксплуатацию служебно-жилой и жилой дома из кирпича, построенные Химкомбинатом. Метеостанция Перевальная перенесена в Кавалерово в район аэропорта, открыта АМСГ.

Решать вопросы строительства за счет предприятий было непросто. Но они решались благодаря активному напору П. А. Урываева. При посещении гидрометеостанции «Находка» нас поразило ветхое состояние служебного помещения станции и площадки. В те времена метеостанция располагалась на мысе Астафьева. Место красивое, но далеко от жилых массивов, транспорт туда не ходил, поэтому с подбором специалистов ощущались трудности.

Павел Андреевич поручил мне выехать в Находку и разведать возможности переноса станции в другое место и ее строительства за счет города. После встречи с руководством города было принято решение открыть в городе Гидрометбюро. В то время на берегу почти в центре города строились дома под мореходную школу. Строительство вел морской порт. Меня направили к начальнику порта для решения вопроса. Начальник порта Юрий Островский принял меня без бюрократических проволочек. Молодой (мы были почти ровесники), симпатичный и энергичный, он мне сразу понравился. Через несколько минут встречи мы незаметно перешли на ты. Перед этим порт наградили орденом, и у Ю. Островского было очень хорошее настроение. Приморскому УГКС под Гидрометбюро выделялось 90 квадратных метров в одном из корпусов мореходной школы. Метеоплощадку управление обязалось выстроить собственными силами. Через полгода, в декабре 1966 года Гидрометбюро открыли, начальником назначили Бориса Малышева, ст. инженером-синоптиком его жену Л. А. Малышеву. До этого они оба трудились в г. Владивостоке. Город Находка выделил им жилье.

Но были и потери. В порту г. Владивостока с момента строительства поста Владивосток проводились метеорологические наблюдения. Метеоплощадка и служебный, очень ветхий домик находились на месте ныне стоящего памятника «Погибшим морякам» в Великой Отечественной войне. Память этим людям безусловно нужно увековечить, но место под него выбрали на месте другого памятника. На этом месте метеоплощадка простояла более ста лет — с 1860 года.

Павел Андреевич лично записался на прием к председателю Владивостокского горисполкома В. И. Орлову и секретарю горкома партии Г. Г. Иванову. При встречах мне довелось присутствовать. Павел Андреевич очень грамотно и жестко отстаивал неправомочность принятого городской властью решения. Но власть оказалась сильнее и приняла волевое решение: памятник ставить, домик снести, а метеоплощадку передвинуть в сторону дороги. Сотрудников и приборы разместить в помещении морского гидрометпоста, стоящем на 36-ом причале. Было обидно, но факт есть факт. Впоследствии метеостанцию закрыли. Да и наблюдения на этой метеоплощадке стали нерепрезентативными. Под памятник и вечный огонь воздвигли стену, которая вносила искажения в ветровой и температурный режимы.

На этом моя работа под непосредственным руководством П. А. Урываева закончилась. В институт стали поступать научно-исследовательские суда погоды, и я попросился на прибывший последним НИСП «Океан» начальником экспедиции (впоследствии — заместитель капитана по научной работе). Павел Андреевич высказал сомнения в моей готовности на эту должность, но заявление подписал, и я не подвел его. Поскольку судно пришло последним, его штат был укомплектован в основном молодыми специалистами. Постепенно штат сформировался. Выросли начальники отрядов В. А. Головастов, Ю. В. Колесников, Э. Е. Трофименко. В 1972 г. за отличные показатели в работе за 5-й рейс НИСП «Океан» мне и личному составу была объявлена благодарность.